

Н. Н. БОГОРОДСКИЙ

Василий Осипович Ключевский (Воспоминания слушателя)

12 мая в 3 часа и 5 минут дня скончался в Москве почетный член нашей Витебской Ученой Архивной Комиссии профессор Василий Осипович Ключевский.

Нет сомнения, что значение покойного далеко не определяется его членством в нашей комиссии. Василий Осипович — гордость и слава нашей отечественной науки, такие люди редки, не всякое государство в силах представить такого историка, каким был покойный. Многие его лично не знали, но его произведениями зачитывались; последние для многих были настольною, руководственною книгою.

Для изображения личности и выяснения деятельности Василия Осиповича нужен человек с большею эрудицией, с талантами крупного оратора, с тонким и глубоким психологическим анализом.

Моя задача будет много скромнее. Я буду доволен, если мне удастся удовлетворительно изложить свои воспоминания о моем учителе, кратко наметить биографические даты и определить место его среди отечественных историков.

Впервые я увидел Василия Осиповича в сентябре 1900 года, когда я поступил в число студентов 1-го курса Московской духовной академии.

Начала его лекций все мы ожидали с большим нетерпением. Каждый знал его еще в средней школе; многие слышали о нем от своих земляков студентов, а некоторые были знакомы с ним по его произведениям.

Когда рассуждали в семинариях об академиях, то, при упоминании о Московской академии, говорили всегда и о Василии Осиповиче. Имя его было окружено особым ореолом; говорили о его

ученой славе, о его манере говорить, о содержании его лекций, никто никогда не касался его частной жизни; ею не интересовались, с нею Василия Осиповича не связывали, считая его за его труды выше всего.

Московская духовная академия меня привлекала, при моем выборе учебного заведения, потому, что там я мог слушать Василия Осиповича.

Желанный момент встречи с Василием Осиповичем наконец для всех нас наступил приблизительно около половины сентября.

Василий Осипович обыкновенно читал студентам 2-го курса по понедельникам и вторникам после двенадцати часов по две полу-часовые лекции в день. Но его аудитория не ограничивалась вторым курсом. На его лекции ходили студенты всех курсов. Многие были неизменными его слушателями с первого по четвертый курс. Другие аудитории в это время были заняты очень немногими студентами, сплошь и рядом выборными по очереди дежурными. Профессора не обижались, не выговаривали, так как хорошо понимали наше увлечение; сами когда-то некоторые из них были учениками Василия Осиповича.

К началу лекции первая аудитория, в которой читал лекции Василий Осипович, самая большая, была переполнена.

До сих пор сохранилось у меня ясное воспоминание встречи с Василием Осиповичем. В средние двери, на которые мы все время обращали внимание, быстро, мелкими шагами вошел немного сторбленный, невысокого роста, с сединою в волосах, с очками в стальной оправе, человек. Раздались аплодисменты. Он слегка наклонился направо и налево и поспешно вошел на кафедру. Вынул из портфеля записки, внимательно осмотрел аудиторию, как бы желая определить, какие требования могут ему предъявить его новые слушатели. Видимо, он волновался. Начал лекции без всяких вычурных обращений, с указания того предмета, который он будет читать и заявил, что в Академии он читает более полный курс, надеясь на скромность слушателей и на то, что на лекцию не попадут неизвестные люди.

Предметом первой лекции был географический обзор Восточной Европы.

Читал Василий Осипович сравнительно тихо, но ясно; речь была безукоризненна, вполне выражала мысль, какую хотел он высказать. Начал чтение он по записки, но потом увлекся, сошел с кафедры, начертил на доске мелом карту России и уже до конца вел лекцию, ходя по аудитории.

Мы многого ожидали по рассказам наших предшественников от лекций Василия Осиповича, но наше впечатление превзошло ожидания. Сухой в сущности предмет лекции Василий Осипович оживил, заставил нас забыть непосредственную действительность, перенестись за несколько веков и углубиться в уяснение естественных условий жизни в Восточной Европе.

По окончании лекции соблюдалось несколько времени молчание, все мы чего-то ждали, а потом раздались оглушительные аплодисменты уходящему в смущении профессору.

Дальнейшие лекции проходили так же хорошо, как и первая, при многочисленных слушателях. Волнение Василия Осиповича все больше и больше улегалось.

Василий Осипович читал нам особый курс русской истории; он мало обращал внимания на события и исторических деятелей, стараясь уяснить историческую жизнь, доказать, что иною она и не могла быть при тех условиях — географических, этнографических и экономических, в каких находилось наше государство. Правда, он иногда останавливался и на исторических деятелях, выбирая таких, за деятельностью которых признается обычно только вред или таких, которые считаются благодетелями отечества. Для первых он иногда смягчал исторический приговор, как, например, для Иоанна Грозного; для других ослаблял славу, как, например, для Екатерины II.

Характеристики Василий Осипович умел делать неподражаемо; недаром слушатели его с записок их по несколько раз перечитывали и, думаю, многие из них с удовольствием читают и теперь. Характеристиками так интересовались, что на них ходили почти все студенты Академии. Это можно было сделать потому, что Василий Осипович сообщал предмет своей следующей лекции. Это было необходимо ввиду особого плана лекции. При выяснении исторической жизни Василию Осиповичу нужна была аудитория, знакомая с историческими фактами, которые могли бы служить вехами для его лекций. Поэтому он предлагал слушателям дома прочесть фактическую историю по учебнику Сергея Михайловича Соловьева, указывая страницы.

Я буду огорчен, если из моих слов читатель сделает вывод, что на лекции Василия Осиповича мы ходили исключительно для удовольствия выслушать красивую речь, изящные выражения. Такая аудитория, такие отношения слушателей расстроили бы Василия Осиповича и он, я думаю, по свойственной ему откровенности попросил бы эстетиков не посещать его лекций. Он сам указал подробно

и ясно бесполезность таких учебных занятий, когда между учителем и учеником устанавливаются отношения, основанные на эстетическом наслаждении. Выясняя значение воспитания Александра I, он заметил: «Это большое несчастье, когда между учеником и учителем образуются отношения зрителя к артисту, когда урок последнего становится эстетическим развлечением и только».

Характеристики Василия Осиповича привлекали нас потому, что в них мы слышали как бы рассказы о наших хороших знакомых, будут ли то великие и полезные деятели или люди с преступною волею и порочными наклонностями.

Василий Осипович вообще обладал редким даром изображения известной эпохи, так что невольно во время его лекций приходилось переносить себя в старую обстановку и смотреть на умерших людей, как на своих современников. Выгода положения заключалась только в том, что слушатели замечали все ошибки своих предшественников, сделавшихся им знакомыми и родными благодаря умелому рассказу профессора.

Изображая тяжелые для нашего отечества эпохи, характеризуя вредных деятелей, Василий Осипович никогда не раздражался, не старался выставить их на позор, но, представляя их непривлекательные стороны, в то же время болел душою так, как болит душою по поводу порочности своих детей родитель.

Одним словом, речь Василия Осиповича отличалась теми же достоинствами, какие мы находим в записях нашего первого летописца: та же образительность, та же деликатность в отношениях к людям, то же уважение человеческого достоинства даже в отношении людей порочных. Вот почему лекции Василия Осиповича не могли расстроить юношеского воображения, не могли из юношей воспитать революционеров. Недаром в одном гектографированном издании лекции студенты в середине записали такое четверостишие:

Вы послушайте, ребята,
Что нам скажет дед:
Велика земля наша, богата,
А порядка в ней все нет.

В законном порядке слушателем Василия Осиповича я сделался на втором курсе и слушал его в продолжении 1901–1902 учебного года. Нашему курсу выпало редкое счастье: Василий Осипович нам читал не четыре лекции, как это полагается по уставу, а шесть. Были свободны часы, посвященные лекциям по патристике, вследствие

заграничной командировки профессора Ивана Васильевича Попова¹. Мы обратились к Василию Осиповичу с просьбой, чтобы он в эти часы читал нам дополнительный курс русской истории. Результаты получились неожиданные: оказалось, что мы растрогали своим обращением Василия Осиповича. Он без всяких отговорок согласился и в первой же лекции высказался, что мы его очень обрадовали. Он сказал: «Я человек прошлого столетия, случайно попавший в нынешнее; я думал, что не могу своими лекциями, составленными для другого поколения, вполне удовлетворить современную учащуюся молодежь. Вы меня порадовали, Вы мне старику сказали, что я не бесполезен для вас, что желаете меня слушать».

Ввиду того что Василий Осипович читал больше лекций, он для нашего курса прочел русскую историю вплоть до царствования ныне благополучно царствующего государя императора Николая Александровича.

Приступая к характеристике последних реформ Александра II, Василий Осипович нас предупредил, что мы теперь услышим от него не то, что слышали прежде, что теперь он теряет силу беспристрастного историка, так как ему придется изобразить жизнь, которая затронула и его, что у него могут в отношении деятелей быть симпатии и антипатии, благодаря близкому знакомству с ними; что он в данном случае предстанет пред нами скорее со всею страстностью публициста, чем ученого историка. Поэтому мы вправе отнестись к его речам с большею осторожностью. Так беспримерно честен и щепетилен был Василий Осипович в своей ученой деятельности.

На втором курсе нам пришлось писать семестровое сочинение Василию Осиповичу.

Темы даны были такие, которые требовали самостоятельного изучения источников. Трудились мы больше, чем когда-либо, боясь осрамиться пред любимым учителем.

Не могу забыть еще экзамена, произведенного Василием Осиповичем. На экзаменах Василий Осипович был очень строг, требовал от студентов ясных ответов и полного усвоения своего курса. Готовились мы добросовестно, несмотря на то, что многие лекции прочли еще во время года.

В день экзамена все чувствовали большую неловкость, боялись краткой программы, данной нам Василием Осиповичем. Составили мы программу более подробную. Мне было поручено курсом переговорить с Василием Осиповичем о дозволении отвечать по более подробной программе. Для этой цели я ожидал его в академическом саду. С тяжелым чувством я пошел навстречу появившемуся про-

фессору. Изложил кратко просьбу студентов, ожидая замечания; но сверх всякого ожидания получил ответ, что для него все равно, по какой программе мы будем отвечать — по краткой или подробной, и что кто не знает курса при всяком положении провалится. И действительно, от Василия Осиповича трудно было скрыть незнание; он умел краткими вопросами проверить студента во всех отделах. Полных отметок он ставил немного, но за то они и ценились высоко.

Еще помню Василия Осиповича в двадцатипятилетний юбилей со дня смерти крупного ректора Московской духовной академии протоиерея Александра Васильевича Горского. Василий Осипович представил нам в этот день воспоминания об Александре Васильевиче, которого он знал лично, при котором он начал свою службу в Академии.

С благоговейным чувством вспомнил он своих первых руководителей, отметивших в нем талант избранием на кафедру в Академии — Александра Васильевича Горского и профессора Петра Симоновича Казанского². Вспомнил он о своих первоначальных ученых работах в академической библиотеке, о своей магистерской диссертации, о своем юношеском ученом самолюбии.

Однажды Василий Осипович вошел в номер, занимаемый в Лаврской гостинице Петром Симоновичем Казанским, и застал последнего за чтением своей магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник». Захотелось ему услышать мнение Петра Симоновича, и он спросил его, ожидая похвалы за книгу, которая уже получила одобрение университета. Петр Симонович указал на заглавие и сказал: «Очень хорошо!» Открыл следующую страницу, перелистал несколько страниц и сказал: «Слабо!» Василий Осипович обиделся и поговорил резко. Этого он, видимо, не мог забыть всю жизнь и, вспоминая Александра Васильевича, вспомнил Петра Симоновича и признался нам, что он теперь свою диссертацию считает юношеским грехом. Это был единственный случай, когда мы ему не поверили. Конечно, ему были ясны ошибки его работы, но мы-то, да, как можно читать в отзывах печати, и другие наши современники, не в силах умалить такой крупный труд.

Пришлось мне быть свидетелем и тридцатилетнего юбилея самого Василия Осиповича в 1901 году. Мы ему послали в Москву телеграмму, в которой выразили свои отношения к нему, его лекциям и ученым трудам.

Василий Осипович по поводу телеграммы говорил с нами на лекции со слезами на глазах. Он сказал, что наша телеграмма для

него была ценнее всех приветствий и адресов, выслушанных им в юбилейный день потому, что он снова услышал от студентов Академии, как тридцать лет назад, призыв к работе и сочувствие в искании истины. Он сказал, что Академию он очень любит и свое положение в ней очень ценит. Ценила его в то время и Академия, к его голосу прислушивались и профессора. Мне однажды пришлось разговаривать о Василии Осиповиче с инспектором Академии, архимандритом тогда, теперь викарным Тульским епископом, который потом, во время своего ректорства в Академии, был виновником ухода из Академии Василия Осиповича. Он говорил, что Василий Осипович — крупная величина в Академии; приезд его — праздник не только для студентов, но и для профессоров. Для того чтобы поговорить с ним и послушать его рассказов, в каждый приезд его собирались в профессорскую все профессора вместе с ректором и инспектором. И много он рассказывал им из прошлого; не любил только касаться современных политических нестроений.

Ценили Василия Осиповича те из начальствующих, которые получили воспитание в других Академиях. Хорошо он и сам отзывался о некоторых из них. Но к позору Академии предал его и содействовал его уходу его ученик, когда сделался ректором Академии, епископ Евдоким (Мещерский).

Удаление Василия Осиповича из Академии — темная страница в летописях ее истории: пришлось уйти тому, кто больше всего любил ее.

Василий Осипович своей любви к Академии и не скрывал, и любовь эта была вполне естественна. Василий Осипович считал себя своим в ней. Его ученик, профессор Московской духовной академии Сергей Иванович Смирнов³, приводит важные в этом отношении слова покойного: «В одном северном житии рассказывается, говорил Василий Осипович, как старец-подвижник, войдя в лес, за ограду обители, заслушался птички и заснул на 300 лет. Проснувшись, он пошел к своему монастырю и не узнал его: стены окрашены в другой цвет, новый настоятель, чужая братия... Я был счастливее этого старца: рано оставив духовную школу, долго я скитался вдали от нее, но когда в нее вернулся, я почувствовал себя снова живым».

Если сделать справку в биографии Василия Осиповича, то окажется, что для Академии Василий Осипович действительно был своим.

Василий Осипович происходил из духовного звания. Он был сыном священника Пензенской епархии. Среднее образование по-

лучил в Пензенской духовной семинарии, в которой учился только до богословского класса, а затем перешел на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1865 году. Через шесть лет по окончании на его труды и таланты обратили ученые Московской духовной академии, и в 1871 году он был избран приват-доцентом Московской духовной академии по кафедре русской гражданской истории. В 1872 году за свою диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник» он получил при Московском университете степень магистра истории. В 1879 году он был избран доцентом по кафедре русской гражданской истории и в Московском университете, а в Академии получил звание экстраординарного профессора. В 1882 году после защиты диссертации под заглавием «Боярская дума Древней Руси» он признан доктором русской истории. В том же году был утвержден ординарным профессором в Академии и Университете.

Кроме Академии и Университета Василий Осипович читал лекции в Александровском военном училище (с 1867 по 1873 г.) и на высших женских курсах Герье (с 1872 по 1888 г.). С осени 1893 года до марта 1895 года преподавал политическую историю великому князю Георгию Александровичу. 1901 года Василий Осипович был избран почетным членом Академии наук. И, наконец, он после Сергея Михайловича Соловьева состоял председателем Императорского Общества истории и древностей Российских.

С Академией связаны его лучшие годы, в Академии положил он основу тому курсу лекций, которые составили ему имя; духовная школа дала ему элементарное образование, духовная школа его и выдвинула, отметив его дарования и оценив их по достоинству.

Василий Осипович Ключевский является крупным, несравненным историком нашего отечества. Он положил начало новой современной исторической школе.

После него, кроме мелких статей, разбросанных по журналам, остались: «Древнерусские жития святых как исторический источник», «Боярская дума Древней Руси», «Сказания иностранцев о Московском государстве», «Русский рубль в XVI–XVII столетии в отношении к нынешнему», «Новооткрытый памятник по истории раскола», «Происхождение крепостного права», «Подушная подать и отмена холопства в России», «Состав представительства на земских соборах Древней Руси», «Добрые люди старой Руси», «Два воспитания», «Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени», «Евгений Онегин и его предки», «Памяти императора Александра III», «Курс русской истории» в IV кн. и др.⁴

И до Василия Осиповича были у нас историки, из которых некоторые оставили даже больше его исследований.

Ему пришлось выступить в Московском университете после знаменитого Сергея Михайловича Соловьева. Но великие имена не помрачили славы его.

Карамзин нарисовал нам изящным языком картину событий, происходивших при участии верхов общества: он дал нам историю правящего класса; постарался прикрыть грехи последнего, а о народе, который представляет фундамент в государстве, он сказал очень мало.

Костомаров⁵ внес в свои изыскания слишком много чувства, слишком много внимания он обращал на изложение, придавая ему сплошь и рядом беллетристическую форму, но он не мог исчерпать всей сущности истории, а главное, уяснить значение центральной России, так как, происходя с окраины, он не мог отрешиться от украинофильских тенденций.

В 29 томах истории С. М. Соловьева представлена с крупною эрудициею почти вся фактическая история нашего отечества, но в ней нет существенного, нет уяснения событий, установления причинной зависимости, нет тщательного исследования условий жизни.

Вот краткая характеристика трех китов нашей исторической науки.

Василий Осипович является историком в ином роде. Он выдвинул низы общества — народ, до которого благородный и чистоплотный Карамзин побоялся дотронуться. Бесстрастно, без особой антипатии и симпатии к отдельным личностям и сословиям, он следит за жизнью всего русского народа, медленно, не спеша, в точных кратких выражениях, без лишних слов указывая существенные и важные исторические факторы.

У него нет ученого аппарата во многих его произведениях, но вы не скажете, что не внимателен он к своим предшественникам по исследованиям или что он не видал какого-либо важного документа. Документальный, часто вполне соответствующий эпохе характер имеют все его выражения в его произведениях. Он не отрицает значения трудов его предшественников, отдает им достойную дань, но он делает то, что не сделано там. Предшественники его сложили ячейку соты, он в них вложил мед; предшественники поставили вехи, а он проторил дорогу; предшественники рассказали о событиях и деятелях, а он уяснил причину событий и условия, под влиянием которых жили и действовали наши предки.

Не зачеркнул Василий Осипович трудов своих предшественников, не отнял у них венца славы, но занял среди них особое место и надел на себя корону, равной которой еще не было.

Были у нас до него историки, но не было философа-историка.

Значение его трудов, а особенно лекций так велико, что трудно и раскрыть. Василия Осиповича многие лично не знали, но знали его лекции, которые появлялись в гектографированных и литографированных изданиях и ими зачитывались, часто с большою осторожностью, чтобы кто-либо не заметил. В одно время лекции были запретным чтением. Пришлось их издать под странным заголовком: «Лекции по зоологии».

В настоящее время мы не нуждаемся в нелегальных изданиях, тем больше, что от них отрекся сам Василий Осипович и для читающей публики предложил печатное издание.

Василий Осипович был очень скромнен в оценке своих произведений: он себя любил называть человеком прошлого века, случайно попавшим в нынешний, намекая этим на то, что современникам его произведения не дадут удовлетворения. Но мне кажется, что за ним, при всей его скромности, обеспечено бессмертие.

При жизни его мы его слушали, переслушивали и заслушивались; его произведения читали, перечитывали и ими зачитывались.

Наступит время, и близко уже оно, когда наши потомки будут его произведения учить, переучивать и заучивать.

